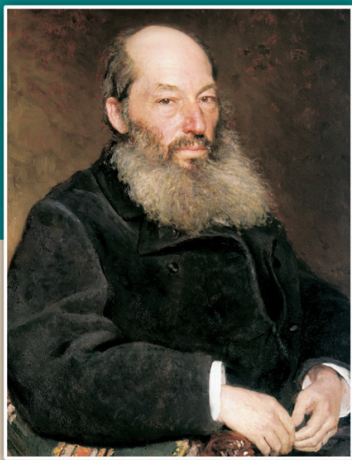

ИЗБРАННОЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

АФАНАСИЙ ФЕТ

Афанасий Афанасьевич Фет

Избранное

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64353617
Избранное: ООО ТД «Белый город»; Москва; 2019
ISBN 978-5-00119-039-4

Аннотация

Поэзия Афанасия Фета (1820–1892) – ярчайший образец классической русской лирики XIX века. Его поэзия гармонично сочетает в себе легкость и изящность слога, психологизм и философичность. В настоящее издание вошли самые известные стихотворения поэта. В сборник включен очерк о жизни и творчестве А.А. Фета авторства известного литературного критика и публициста рубежа XIX–XX веков Е.В. Чешихина с современными комментариями.

Книга предназначена для самого широкого круга читателей, интересующихся русской классической литературой и культурой.

Содержание

Элегии и думы	12
«О, долго буду я в молчанье ночи тайной...»	12
«Постой – здесь хорошо! Зубчатой и широкой...»	13
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»	14
«Когда мечтательно я предан тишине...»	15
«Ее не знает свет, она еще ребенок...»	17
«Я потрясен, когда кругом...»	18
Ласточки	19
Одинокий дуб	20
«Эх, шутка-молодость!.. Как новый ранний снег...»	22
Осень	23
Светоч	25
Угасшим звездам	26
«Кляните нас: нам дорогá свобода...»	27
Учись у них – у дуба, у березы	28
Добро и зло	29
«Всё, всё мое, что есть и прежде было...»	31
«Когда Божественный бежал людских речей...»	32
«Не тем, Господь, могуч, непостижим...»	33

«На кресле отвалюсь, гляжу на потолок...»	35
«Ночь и я, мы оба дышим...»	36
«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»	37
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»	38
«Прости – и все забудь в безоблачный ты час...»	39
«Не говори, мой друг: "Она меня забудет..."»	40
«Пойду навстречу к ним знакомою тропею...»	42
Alter ego	43
«Нет, я не изменил: до старости глубокой...»	44
«Одним толчком согнать ладью живую...»	45
Теперь	46
Отошедшей	47
«С солнцем склоняясь за темную землю...»	48
«Томительно призывно и напрасно...»	49
«Когда читала ты мучительные строки...»	50
«Окна в решетках, и сумрачны лица...»	51
«Дул север, плакала трава...»	52
«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»	53
«Прости – во мгле воспоминанья...»	54
«Еще одно забывчивое слово...»	55
«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...»	56
Среди звезд	57
«Не первый год у этих мест...»	59

«Всё, что волшебным так манило...»	60
«Не спится. Дай, зажгу свечу! К чему читать? ...»	61
«Кровью сердца пишу я к тебе эти строки...»	62
«Жизнь пронеслась без явного следа...»	63
«Еще люблю, еще томлюсь...»	64
«Страницы милые опять персты раскрыли...»	65
«Не упрекай, что я смущаюсь...»	66
Старые письма	67
На развалинах цезарских палат	69
Италия	71
«Под небом Франции, среди столицы света...»	73
Руку бы снова твою мне хотелось пожать	74
«Устало все кругом: устал и цвет небес...»	75
«В полуночной тиши бессонницы моей...»	76
«В степной глуши, над влагой молчаливой...»	78
«О, этот сельский день и блеск его красивый...»	79
Антологические стихотворения	81
Вакханка	81
Нимфа и молодой Сатир	83
Греция	84
Золотой век	85
Аполлон Бельведерский	88
Венера Милосская	89

Диана	90
Диана, Эндимион и Сатир	91
Море	92
«Барашков буря шлет своих...»	93
На корабле	94
Пароход	95
Морской берег	96
«Морская даль во мгле туманной...»	97
Буря	98
После бури	99
Волна	100
Прибой	101
Вечер у взморья	102
Приметы	103
«Ночь весенней негой дышит...»	104
Венеция ночью	105
«На водах Гвадалквивира...»	106
Морской залив	107
Вечера и ночи	108
«Я жду... Соловьиное эхо...»	109
«Ночь. Не слышно городского шума...»	110
«Благовонная ночь, благодатная ночь...»	111
«Вдали огонек за рекою...»	113
«Какая ночь! Как воздух чист...»	114
Степь вечером	115
Вечер	117

«От огней, от толпы беспощадной...»	118
«В темноте на треножнике ярком...»	119
«Шепот. Робкое дыхание...»	120
«Жди ясного на завтра дня...»	121
Звезды	122
«Летний вечер тих и ясен...»	123
«Что за вечер! А ручей...»	124
Колокольчик	126
«На стог сена ночью южной...»	127
«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»	128
«Я люблю многое, близкое сердцу...»	130
«Я долго стоял неподвижно...»	132
«Заря прощается с землею...»	133
«Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всесильны...»	134
«Долго еще прогорит Вespera скромная лампа...»	135
«Рад я дождю: от него тучнеет мягкое поле...»	136
«Ночью как-то вольнее дышать мне...»	137
Лето	138
«Как здесь свежо под липою густою...»	139
«Зреет рожь над жаркой нивой...»	140
Дождливое лето	141
«Ты видишь – за спиной косцов...»	142
Нежданный дождь	143

Афанасий Фет

Избранное

Текст печатается по изданию: Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Т. 1.

Приложение к журналу «Нива» на 1912 год / вступительные статьи Н.Н. Страхова и Б.В. Никольского. – СПб.: Товарищество А.Ф. Маркс, 1912.

© ООО ТД «Белый город», 2019

* * *

Элегии и думы

«О, долго буду я в молчанье ночи тайной...»

О, долго буду я в молчанье ночи тайной
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму!

1844

«Постой – здесь хорошо! Зубчатой и широкой...»

Постой – здесь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет.
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты, с отвесных берегов
Летит на хрящ морской, – где в море вал огромный
Придет – и убежит в объятия валов.

Одна передо мной под мирными звездами,
Ты здесь – царица чувств, властительница дум,
А там – придет волна и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначущих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

«Когда мечтательно я предан тишине...»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине,
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже, безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает,

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь: «Люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи

И долго слушаю, как ты молчишь, и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —

О, друг, как счастлив я, – как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

«Ее не знает свет, она еще ребенок...»

*Дух всюду сущий и единый...
Державин*

Ее не знает свет, она еще ребенок,
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви, – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень ласково разборчив, будто сам,
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

«Я потрясен, когда кругом...»

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром,
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу;

Но, просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила, –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла, –

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя...
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Одинокий дуб

Смотри, – синяя друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Все кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданиям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою:
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Все дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом

Ползет простор твоих корней,
И в их кривые промежутки,
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.
Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

«Эх, шутка-молодость!.. Как новый ранний снег...»

Эх, шутка-молодость!.. Как новый ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другую.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу. Далекое, как бы в вознагражденье
Шлют звезды в инее свое изображенье,
В сиянье полночи безмолвен сон Кремля,
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней, стуже
Доходит бой часов порывистой и туже.
Бегу. Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягают слух, прервав мое дыханье.

Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви;

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

Светоч

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нём стопы.
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мгlistой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной, —
Но, обежав меня лукаво,
Они смыкались за спиной...

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит, —
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.

16 августа 1885

Угасшим звездам

Долго ль впивать мне мерцание ваше,

Синего неба пытливые очи?

Долго ли чуют, что выше и краше

Вас – ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями –

Давняя вас погасила эпоха...

Так и по смерти лететь к вам стихами,

К призракам звезд, буду призраком вздоха!

6 мая 1890

«Кляните нас: нам дорогá свобода...»

Кляните нас: нам дорогá свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь;
В нас вопиет всеильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

2 марта 1891

Учись у них – у дуба, у березы

Учись у них – у дуба, у березы:
Кругом зима (жестокая пора!) –
Напрасные на них застыли слезы
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый, –
Они стоят, молчат; молчи и ты.

Но верь весне! Ее промчится гений, –
Опять теплом и жизнью дыша,
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1885

Добро и зло

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один – объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Все солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как бог, –
Не заноси же в мир святыни

Своих невольничьих тревог:

Пари, всезрящий и всеильный, –
И с незапамятных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

«Всё, всё мое, что есть и прежде было...»

Всё, всё мое, что есть и прежде было:
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила;
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба:
Сюда! Сюда! Не рабство здесь природе, –
Она сама здесь верная раба!

17 июля 1887

«Когда Божественный бежал людских речей...»

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира¹ вынес величавый:
«Вот здесь, у ног Твоих, все царства, – он сказал:
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный –
И эту всю красу, всю власть Тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он отвечивал: «Писанию внемли:
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез, и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

¹ Князь земного мира, сатана. – Здесь и далее прим. ред.

**«Не тем, Господь,
могуч, непостижим...»**

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я – добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

«На кресле отвалясь, гляжу на потолок...»

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет! То не крыльев шум, – то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, –
И кружится, еще приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

«Ночь и я, мы оба дышим...»

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что струей своей, колышим,
Напевает нам фонтан:

«Я – и кровь, и мысль, и тело...
Мы – послушные рабы!
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы:

Мысль несется, сердце бьется...
Мгле мерцаньям не помочь:
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь».

7 июня 1891

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье,
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел – давно! – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! Давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен: он – ничей,
Лобзает ветр один руно его кудрей;
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном, –
Но – горе: ты поешь!.. На зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло,
Он скован!.. – Ты поешь, ты блещешь красотой,
Для взоров божество, – сирена под водою.

шоль 1847

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно! Не трогай! К чему этот дух разрушенья?
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, –
Белую, полную ручку легко распознают соседи;
Скажут: она у него в комнате тайно была.

«Прости – и все забудь в безоблачный ты час...»

Прости – и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури!
И в негу вешнюю врываються не раз
Стремленьем молодым пугающие бури, –

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья,
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

«Не говори, мой друг: "Она меня забудет..."»

Не говори, мой друг: «Она меня забудет:
Изменчив времени всемогущего полет!
Измученной души напрасный жар пройдет;
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет молодая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкий;
Ланиты расцветут, – и в зеркало украдкой
Невольню станет взор с вопросом забегать, –
Опять весна в груди и счастье опять!»
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна эта рана!
Видал ли ты в лесах, под тению дубов,
С винтовками в руках засевавших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая,
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьям вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, –

Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

«Пойду навстречу к ним знакомую тропю...»

Пойду навстречу к ним знакомую тропю.
Какою нужною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай!
Далеко выгнулся земли померкший край.
Прохлада вечера и дышит и не дышит,
И колос зреющий едва-едва колышет...
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой!
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине,
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела!
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука...
Иль мне послышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья! –
Нет, точно, – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

Alter ego

Как Лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей
И – была ли при этом победа? И чья –
У ручья ль от цветка? У цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, – нас нельзя разлучить!

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой!

У любви есть слова, – те слова не умрут;
Нас с тобой ожидает особенный суд:
Он сумеет нас сразу в толпе различить, –
И мы вместе придем, – нас нельзя разлучить!

январь 1878

«Нет, я не изменил: до старости глубокой...»

Нет, я не изменил: до старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, – вот-вот – тебя я узнаю, –
И нежности былой я слышу дуновенье
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

«Одним толчком согнать ладью живую...»

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуть ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитаться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец, –
Вот чем певец лишь избранный владеет!
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

Теперь

Мой прах уснет, забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май...
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И – вдумчивым и чутким сердцем девы –
Безумных снов волненья ты поймешь,
И отчего в дрожащие напевы
Я уходил, – и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь:
Вневременной повею жизнью оба,
И ты, и я, – мы встретимся...
– Теперь!

Отошедшей

Ты отстрадала, я еще страдаю, –
Сомнением мне суждено дышать, –
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять...

А был рассвет – я помню! – Вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей...
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет, – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей – в твое небытие!

4 ноября 1878

«С солнцем склоняясь за темную землю...»

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором,
В сбивчивом ходе несбыточных грез,
Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Все бы, ах, все бы с собою унести!..

22 августа 1887

«Томительно призывно и напрасно...»

Томительно призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел:
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: «То бред души больной!»
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, не тонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную,
Он мой, – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я, – я торжествую,
Хотя на миг, бессмертие твое!

«Когда читала ты мучительные строки...»

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, –
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря,

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, –
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
«Там человек сгорел!»

15 февраля 1887

«Окна в решетках, и сумрачны лица...»

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата...
Я признаю твои стены, темница, –
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюбимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста...
Нет, не покину тебя бессердечно:
Здесь, у меня на груди, тебе место!

«Дул север, плакала трава...»

Дул север, плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом, –
Лишь соловьихи робких чад
Хриплым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез, –
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно...

Прощай, соловушко! И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день...

Как ненасытны мы и как несправедливы!
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать!

15 января 1891

«Прости – во мгле воспоминанья...»

Прости – во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один,
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

«Еще одно забывчивое слово...»

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох, –
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день,
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...»

Солнце садится, и ветер утихнул летучий, –
Нет и следа тех огнями пронизанных туч.
Вот на окраине дрогнул живой и не жгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснувший луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть...
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апреля 1883

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я – мне прирожденных – числ,
Но, лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных, –
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность – мы, ты – миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень:
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

22 ноября 1876

«Не первый год у этих мест...»

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю –
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест,

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты.
И мне – мне, кажется, понятно,
Что шепчут куполу листья.

Еще, колеблясь и дыша,
Над дорогими мертвецами
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша, –
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

«Всё, что волшебнó так манило...»

Всё, что волшебнó так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы, –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом встают...

28 февраля 1892

«Не спится. Дай, зажгу свечу! К чему читать?...»

Не спится. Дай, зажгу свечу! К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы,
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы...

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

«Кровью сердца пишу я к тебе эти строки...»

Кровью сердца пишу я к тебе эти строки:

Видно, разлуки обоим несносны уроки,

Видно, больному – напрасно к свободе стремиться,

Видно, к давно прожитому нельзя воротиться

Видно, во всем, что питало горячку недуга,

Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

«Жизнь пронеслась без явного следа...»

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась, – кто скажет мне, куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, все буйство первых дней
С их радостью – все тише, все ясней
К последнему подходит новоселью.

Так, завершив беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Собирается в серебряной тиши
Глубокой и холодной постелью.

1864

«Еще люблю, еще томлюсь...»

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

«Страницы милые опять персты раскрыли...»

Страницы милые опять персты раскрыли, –
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов...

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых –
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих!..

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!

29 мая 1884

«Не упрекай, что я смущаюсь...»

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез:

Те грезы – жизнь их осудила,
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей:

Уже мерцает свет, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

3 февраля 1891

Старые письма

Давно забытые под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы:
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы,

А я – доверился предательскому звуку, –
Как будто вне любви есть в мере что-нибудь!
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь...

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?

Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза!

На развалинах цезарских палат

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильней живое сердце бьется,
И в жилах кровь бежит быстрее.

Пуускай вокруг меня тяжелые громады
Из праха восстают, – и храмы, и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И, вновь увенчанный, святой алтарь горит,
И из-под новых врат золотая колесница
К холму заветному спешит, –

Нет! Нет! Не ослепишь души моей тревожной!
Пуускай я не дерзну сказать: «Ты не велик!» –
Но, Рим, я радуюсь, что, грустный и ничтожный,
Ты здесь у ног моих приник.

Безжалостный Квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,

Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:

Ты смысла тайного речей не разгадал

И на учителя безжалостные руки,

Палач всемирный, подымал.

Законность измерял ты силою великой, –

Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?

Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,

Как устаревший хищный зверь.

И вот – растерзаны блестящие одежды,

В тумане утреннем развалина молчит,

И труп буйного, жестокого невежды

Слезой Камена не почтит.

Италия

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял,
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырость:
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь,
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь:

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю – и, кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенный.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,

Твой долгий взор, надменный и унылый,

И ящериц, мелькающих кругом,

И негу их на нестерпимом зное,

И страстного кумира под плющом

Раскидистым увечье вековое.

«Под небом Франции, среди столицы света...»

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю, отчего грустна душа поэта,
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край:
Так, древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О, Боже, перед Кем везде страданья наши,
Как звезды по небу полному, горят,
Не дай моим устаем испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

Руку бы снова твою мне хотелось пожать

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизменно-прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелось устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

14 августа 1888

«Устало все кругом: устал и цвет небес...»

Устало все кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился, —

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О, ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!

24 августа 1880

«В полуночной тиши бессонницы моей...»

В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором,

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым, –
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
Они – развенчанные боги!

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот – с былым несхожий:
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий –

И лишь надменные назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,

Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот презренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых век,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их все еще дымится...

3 января 1888

«В степной глуши, над влажгой молчаливой...»

В степной глуши, над влажгой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие плавучие цветы.

Они манят и свежестью пугают,
Когда к звездам их взорами прильну;
Кто скажет мне, какую измеряют
Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно, –
Я так боюсь забыться как-нибудь!
Твоей души мне глубина заветна:
В свою судьбу боюсь я заглянуть...

«О, этот сельский день и блеск его красивый...»

О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.

Лелеяла б душа в успокоенье томном
Неведомую даль, –
Но так нескромно все в уединенье скромном,
Что стыдно мне и жаль.

Пойдем ли по полю мы, чуждые тревоги,
И радуется ходьба, –
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие все хлеба.

Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где все стоит в пыли,
По солнцу движемся, – гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.

Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь, –

А звезды, с высоты глядя на нас, так явно
Мигают, не стыдись.

Антологические стихотворения

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьянения,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

Нимфа и молодой Сатир (Группа Ставассера)

«Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень:
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий...»
Но вот, косматые колена преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня, –
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир и молодой – не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою уста его и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры?
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо!..
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна:
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но – отчего, скажи, – в сознание ль красоты,
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко...
Иль страсть, горящая в сатире молодом,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

Греция

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унижена росой,
Где радостно кричит веселая цикада,
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый,
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, –
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит...

Вотще: в полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил, незримый, за стеной,
Я видел: Грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне:
Нет, – ставши в тесный круг, красавицы шептали...
«Эллада!» – слышалось мне часто в тишине...

Золотой век

*Auch ich war in Arkadien geboren².
Schiller*

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн Эгейских с высоты.

Под пихтою душистой и красивой,
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

² И я был рожден в Аркадии (нем.) – первая строка стихотворения Фридриха Шиллера «Resignation».

И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горячим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Но что за шум? За девой смуглолицой
Вослед толпа, все празднично кругом,
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая весело хвостом.

А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих, Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной,
Бессмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один припóднял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,

И, хохоча в смятенъе полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.

1856

Аполлон Бельведерский

Упрямый лук, с прицела чуть склонен,
Еще дрожит за тетивую шаткой,
И не успел закинутый хитон
Пошевелить нетронутою складкой.

Уже, томим язвительной стрелой,
Крылатый враг в крови изнемогает,
И черный хвост, сверкая чешуей,
Свивается и тихо замирает.

Стреле вослед легко наклонено
Омытое в струях Кастальских тело:
Оно сквозит и светится – оно
Веселием триумфа просветлело.

Твой юный лик торжествен и могуч, –
Он весь в огне живительном и резком:
Так солнца диск, прорезав сумрак туч,
Слепит глаза невыносимым блеском.

Венера Милосская

И целомудренно и смело
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лице разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

1856

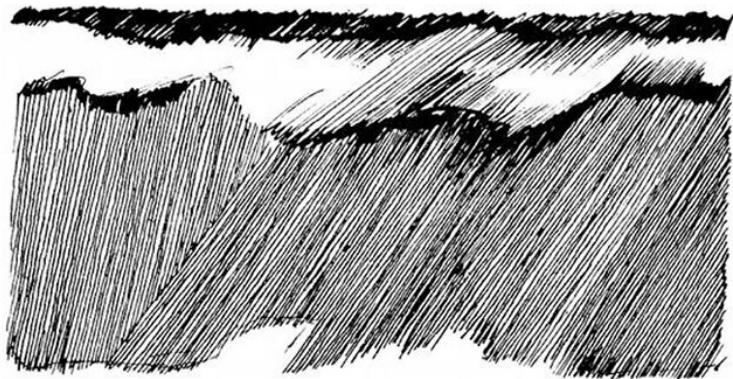
Диана

Богини девственной округлые черты
Во всем величии блестящей наготы
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами,
Высоко поднялось открытое чело,
Его неподвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, –
Качнулся на воде богини ясный лик...
Я ждал, – она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел предо мной красой непостижимой.

Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюллова)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети...
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены, – оне
Не видят смертного и чуют приближенье...
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! Ты его узрела с высоты
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет...
Диана, берегись! Старик Сатир не дремлет!..
Я слышу стук копыт... Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой...
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость, и испуг...
А баловень Эрот, довольный шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый

Mope

«Барашков буря шлет своих...»

Барашков буря шлет своих,
Барашков белых в море.
Рядами ветер гонит их
И хлещет на просторе.

Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока все хляби глубина,
Чернея, не вскипела!

Как жаль тебя! – Но об одном
Подумать так обидно,
Что вот, за мглюю и дождем,
Тебя не станет видно.

26 августа 1892

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит;
Под непривычную стопую,
Вскипая белую грядою,
Стихия чуждая дрожит, –

Дрожит и сердце, грудь заныла...
Напрасно моря даль светла:
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане,
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

Пароход

Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду...

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы!
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенные продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей, –
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой...

Морской берег

Как хорош чуть мерцающий утром,
Амфитрита, твой влажный венок,
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!

Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив.
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.

Остров вырос над тенью зеленой.
Ни движенья, ни звука в тиши –
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.

«Морская даль во мгле туманной...»

Морская даль во мгле туманной,
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к побережью моему.

Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутую
До камня влажного слежу.

К ней чайка плавная спустилась, –
Не дрогнет острое крыло...
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло,

Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту, –
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

Буря

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит, –
То прынет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун.
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

После бури

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури, –
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогий,
Как больной от страшной мысли, –
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный,
Весь в росе, не шелохнется;
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

1870

Волна

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И с грохотом, о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.
И новые росли во мгле,
Росли и к небу и к земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным им уроком.
А ныне – как моя душа,
Волна светла и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной,
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена,
И задрожал весь хор небесный.

1864

Прибой

Утесы, зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом.
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал

И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит,
И преломленный, и лазурный, –
Но вот преграда, – он кипит, –

Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, все страшен
Всею перейденной глубиной.

Вечер у взморья

Засверкал огонь зарницы.
На гнезде умолкли птицы.

Тишина леса объемлет.
Не качаясь, колос дремлет.

День бледнеет понемногу.
Вышла жаба на дорогу.

Ночь светлеет и светлеет.
Под луною море млеет.

Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки сели рядом,

Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.

Приметы

И тихо и светло. До сумерек далёко.
Как в дымке голубой и небо и вода, —
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и светло; но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скликались над морем усыпленным
И, в воздухе кружась, летят к навесам скал.

Ночь будет страшная, и буря будет злая;
Сольются в мрак и гул и небо, и земля,
А завтра, может быть, вот здесь волна седая
На берег выбросит обломки корабля.

«Ночь весенней негой дышит...»

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.

Долго будет, утомленный,
Спать с Фетидой Феб влюбленный, –
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

Венеция ночью

Всплески вод сверкают ярко,
Орошая мрамор плит.
Дремлет лев святого Марка,
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады.
Чутко в воздухе ночном.
Осребренные громады
Вековым уснули сном.

«На водах Гвадалквивира...»

На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой.
От незримых уст зефира
Влага блещет чешуей.

Все уснуло, – лишь мгновенный
Меркнет луч во тьме окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена,

Да звезда с высот эфира
Раскатилась дугой...
На водах Гвадалквивира
Месяц – длинной полосой...

Морской залив

Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается шагом.

Третью уж ночь, миновать эту старую иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь к заливу.

Только вдали, потухая за дымкою сизой,
Весь в ширину он серебряной светится ризой.

Спит он так тихо, что ухо, исполняясь вниманья,
Даже средь камней его не уловит дыханья.

В блеск этот душу уносит волшебная сила...
Что за слова мне она в эту ночь говорила!

Сколько в веселых речах прозвучало приветов!
Сколько в них сердце почуяло неги и света!

Ах, что́ за ночь! Тише, конь мой, – куда торопиться?
Рад и сегодня я сном до зари не забыться.

Вечера и ночи

«Я жду... Соловьиное эхо...»

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки.
Трава при луне в бриллиантах.
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах.
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и ногах...

Я жду... Вот повеяло с юга.
Тепло мне стоять и идти.
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, – прости!

«Ночь. Не слышно городского шума...»

Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда, – и от нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно в сердце грустное мое.

И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.

Тихо все, покойно, как и прежде,
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти... Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?

Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? – Нет, не объяснишь! –
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь Творца благодарись.

«Благовонная ночь, благодатная ночь...»

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Все бы слушал тебя – и молчать мне невмочь
В говорящей так ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят:
Эти звезды кругом точно все собрались,
Не мигая, смотреть в этот сад.

А уж месяц, что всплыл над зубцами аллея
И в лицо прямо смотрит, – он жгуч!
В недалекой тени непроглядных ветвей
И сверкает, и плещется ключ.

И меняется звуков отдельный удар:
Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
Напевая призывы любви,

Словно все и горит, и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь, –

Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
Поглядеть в серебристую ночь...

28 апреля 1887

«Вдали огонек за рекою...»

Вдали огонек за рекою.
Вся в блесках струится река.
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка...

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелись!..
А берег во мраке пропал.

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?..

«Какая ночь! Как воздух чист...»

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!..

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

1858

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом.
Хотят в росе понежиться поля.
В последний раз за третьим перевалом
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни – и не ждешь:
Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И, слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут –

И как река засветит Млечный путь.

Вечер

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.

Далеко в полумраке луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко, –
Вздохи дня есть в дыханье ночном, –
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

«От огней, от толпы беспощадной...»

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь:
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной;
Третья с нами – лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать, и хранить...
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть –

И, безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

8 февраля 1889

«В темноте на треножнике ярком...»

В темноте на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали.
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно, прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонились прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

«Шепот. Робкое дыханье...»

Шепот. Робкое дыханье.

Трели соловья.

Серебро и колыханье

Сонного ручья.

Свет ночной. Ночные тени, –

Тени без конца.

Ряд волшебных изменений

Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,

Отблеск янтаря,

И лобзания, и слезы, –

И заря, заря!..

«Жди ясного на завтра дня...»

Жди ясного на завтра дня:
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, –
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли,
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегают тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: миновал день,
Не говоришь: настала ночь.

Звезды

Отчего все звезды стали
Неподвижною чредой
И, любуясь друг на друга,
Не летят одна к другой?

Искра к искре бороздою
Пронесется иногда,
Но уж знай, ей жить не долго:
То – падучая звезда.

«Летний вечер тих и ясен...»

Летний вечер тих и ясен, –
Посмотри, как дремлют ивы!
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам? –
То табун несется рысью.

«Что за вечер! А ручей...»

Что за вечер! А ручей
Так и рвется...
Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень, да нивы.

Знать, давно в плотине течь,
Доски гнилы, –
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то все весной живет!
В роще, в поле –
Все трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, – что в кустах
Хоры эти, –
Придут с песнью на устах

Наши дети, –

А не дети, так придут

С песнью внуки:

К ним с весною низойдут

Те же звуки.

Колокольчик

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел, –
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину,

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

«На стоге сена ночью южной...»

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полунощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис,

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»

Что за ночь! Прозрачный воздух скован,
Над землей клубится аромат...
О, теперь я счастлив, я взволнован!
О, теперь я высказаться рад!

Помнишь час последнего свиданья?
Безотраден сумрак ночи был...
Ты ждала, ты жаждала признанья, –
Я молчал: тебя я не любил.

Холодела кровь, и сердце ныло, –
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было –
И сказать мне правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млею,
И, как раб, твой каждый взор ловлю, –
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю!

«Я люблю многое, близкое сердцу...»

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего, мне приятно скользить по заливу, –
Так, – забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, –
Да смотреть, много ль отъехал,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно:
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаху
На тихие воды;
Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,

Широколиственный дуб.

Сколько уж лет тут живет соловей!

Он поет по зарям;

Да и позднею ночью, когда

Месяц обманчивым светом

Серебрит и волны, и листья,

Он не молкнет, – поет

Все громче и громче...

Странные мысли

Приходят тогда мне на ум:

Что это – жизнь или сон?

Счастлив я или только обманут?

Нет ответа...

Мелкие волны что-то шепчут с кормою,

Весло недвижимо,

И на небе ясном высоко сверкает зарница.

«Я долго стоял неподвижно...»

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды глядясь.
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... Не помню, что думал:
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали, —
И звезды люблю я с тех пор.

«Заря прощается с землею...»

Заря прощается с землею.
Ложится пар на дне долин.
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И – все таинственной, безмерней –
Их тень растет, растет как сон...
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, –
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.

«Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всеильны...»

Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всеильны!
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Руке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, –
Много и рифм у меня, много размеров живых;
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.

«Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...»

Долго еще прогорит Веспера скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
Тонкие змейки серебра блещут на влаге уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
Скрыло богиню, – и мрак сладостный землю покрыл.

«Рад я дождю: от него тучнеет мягкое поле...»

Рад я дождю: от него тучнеет мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке, и воздух становится чище,
Зелени запах одну за одной из ульёв многошумных
Пчел вызывает; но что́ для меня еще лучше –
Это когда он ее на дороге ко мне орошает!
Мокрые волосы, гладко к челу прилегая,
Так и сияют у ней, а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их своими устами.

Но нестерпим ты мне ночью бессонной, Плувий Юпитер!
Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате слушать,
Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых, бессмысленных капель:
Точно как будто бы птиц проклятое стадо
Сотнями ног и носов терзает железную кровлю.
Юпитер Плувий, помилуй! Расти, сколько хочешь, цветов

ты

Для прекрасной и лавров юных на кудри поэта,
Только помилуй, – не бей по ночам мне в железную кровлю!

«Ночью как-то вольнее дышать мне...»

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней, –
Даже в столице не тесно.
Окна растворишь, –
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух...
А небо? А месяц?
О, этот месяц волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпили и кресты – бриллианты,
А там, за луной, небосклон
Чем дальше, светлей и прозрачней.
Смотришь и дышишь,
И слышишь дыхание свое
И бой отдаленных часов
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды,
Светел, как призрак,
Голову клонит, – а жаль от окна оторваться!

Лето

«Как здесь свежо под липою густою...»

Как здесь свежо под липою густою, –
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал, –

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колбяся, как будто дремлет он, –
Так резко сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И как мечты почиющей природы
Волнистые проходят облака.

«Зреет рожь над жаркой нивой...»

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Дождливое лето

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший – бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

«Ты видишь – за спиной косцов...»

Ты видишь – за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний парк от их котлов
Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сиянье тонет дня светило,
И набежавших туч края
Стеклом горячим окаймило.

Уже, подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью.
Какая тень и аромат
Плывут над меркнущею степью!

В душе смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Под звездным пологом усни!

Нежданный дождь

Всё тучки, тучки, – а кругом
Всё сожжено, все умирает...
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?

Повиснул дождь, как легкий дым, –
Напрасно степь кругом алкала,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.